

Р.Ф. Туровский

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ КОНФОРМИЗМ В РОССИИ И ЕГО ГЕОГРАФИЯ¹

Электоральный конформизм становится одним из главных типов электорального поведения в России по мере укрепления и стабилизации возникшего в стране нового политического режима. Под конформистским типом голосования понимается электоральное поведение, результатом которого является голосование за партии, созданные правящими элитами, и обусловленное прежде всего властным статусом этих партий. Подобный тип голосования представляет собой результат эволюции российской политической системы в постсоветский период и развития феномена “партии власти”.

Понятие “партия власти” отличается от широко распространенного в политологии понятия “правящая партия”. Российские “партии власти” связаны с патронатно-клиентельным типом отношений, доминирующим в российской политике и составляющим особенность российской демократии. Устойчивые патронатно-клиентельные отношения делают необязательным организационное оформление клиентов в партии: в новейшей истории они зачастую существовали в виде общественных организаций, предвыборных блоков или оставались на уровне неинституционализированных групп. В связи с наличием множества облеченных властью патронов и их клиентел оказалось необязательным и наличие единственной “партии власти” на федеральном и региональном уровнях. Скорее можно говорить о доминирующей “партии власти” и ее конкурентах, которых не вполне корректно называли дублерами.

В связи с наличием на региональном уровне устойчивых доминирующих властных элит и связанных с ними клиентел и на фоне незавершенного процесса формирования федеральной элиты распространенным феноменом в 90-е годы были региональные “партии власти”. Формирование моноцентрического политического режима при В. Путине приводит к консолидации региональных “партий власти” и резко усиливших свою власть над ними федеральных властных и деловых элит в рамках партии “Единая Россия”. Таким образом, начало 2000-х годов знаменует собой новый этап в развитии “партии власти” как российского политического и электорального феномена.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 03-06-80087).

Особенности российских “партий власти” определяют их идеологию и способ формирования². Такие партии создаются группами постсоветской властной элиты (или, как в случае с “Единой Россией”, основной частью консолидировавшейся постсоветской элиты), заинтересованной в сохранении своих властных позиций. Массовую поддержку им обеспечивает использование административных ресурсов, позволяющих эффективно воздействовать на определенные социальные слои. Стремление привлечь как можно большее число избирателей и разнородность идеологических предпочтений внутри правящей элиты влекут за собой размытость идеологии, которая обычно позиционируется как центристская и сочетает в себе элементы национально-консервативной, либеральной и социал-демократической идеологий. Для формирующейся новой властной элиты важнее удержать свои властные позиции, чем единую идеологическую ориентацию.

Феномены “партии власти” и конформистского голосования тесно связаны с развитием российской политической системы в постсоветский период. Сложились два подхода. В соответствии с первым, ориентация проправительственной партии на реформаторский курс, либеральная идеология, более или менее последовательно проводимые российскими властями, пользовались недостаточной популярностью. Зато ориентация на поддержку власти как таковой и консолидацию властных элит позволяла лучше организовать электоральный процесс и получить более высокий результат. Второй подход и вел к формированию классических “партий власти”, дистанцировавшихся от либеральных реформ и пытающихся адаптировать свою программу к нуждам широких слоев населения.

Специфика российской “партии власти” связана со спецификой постсоветского элитогенеза: на лидирующих позициях осталась трансформированная часть прежней советской элиты номенклатурного происхождения (с чем в целом было согласно российское руководство в условиях отсутствия сопоставимо сильной и влиятельной новой элиты, ориентированной на либеральные реформы). Эта элита прошла через деидеологизацию, но не усвоила либеральную идеологию. Для таких элит заменителем идеологии стало удержание власти. При этом они привнесли в постсоветскую элиту следующие советские ценности: социальный патернализм, государственный патриотизм, государственный экономический контроль. В дальнейшем это и предопределило идеологические доминанты центризма “партии власти”.

Еще одна особенность формирования “партий власти”, обусловленная спецификой политической системы, состоит в том, что задачи партийного строительства встали перед трансформированными советскими элитами в связи с проведением федеральных парламентских

² См.: Макаренко Б.И. Губернаторские “партии власти” как новый общественный феномен // Полития. 1998. № 1. С. 50—58.

выборов по смешанной системе, т.е. в том числе по партийным спискам.

Наконец, основной сценарий российского партийного строительства предопределила слабость гражданского общества: формирование партий элитными группировками шло с расчетом на массовую поддержку, которую обеспечивали привлекательная программа, харизматические лидеры, хорошая организация, активная рекламная кампания и пр. Для “партий власти” такой сценарий оказался единственно возможным.

Для обеспечения массовой поддержки “партия власти” использует организационный ресурс, который в российской практике принято называть административным. Было бы неверным сводить последний к фальсификациям (их масштаб определить статистически невозможно) и силовому давлению на избирателей (мера которого также не может быть выявлена в научной работе). Административный ресурс рассматривается как разновидность организационного ресурса, которым располагают властные структуры, как сетевой ресурс, связанный с высоким уровнем зависимости определенных социальных и управленческих сетей от вышестоящих властных уровней. Поддержка федеральной “партии власти” обычно обусловлена эффективной мобилизацией региональных “партий власти”. Результаты голосования за “партию власти” в регионах зависят от мобилизации локальных и региональных сообществ усилиями местных лидеров. От федеральной “партии власти” требуется консолидация региональных “партий власти”; в свою очередь консолидация региональной “партии власти” напрямую связана с ее влиянием на локальном уровне.

Эффективность административного ресурса зависит от степени и характера зависимости тех или иных категорий населения от властей. Эта зависимость может иметь и позитивный (наличие осознанного интереса к поддержке властей), и негативный (страх перед наказанием за нелояльность властям) характер.

Самой простой избирательной технологией, связанной с применением административного ресурса, является мобилизация государственных служащих, работников государственных компаний и военнослужащих. Однако для электорального успеха “партии власти” важно привлечь на свою сторону более массовые, экономически зависимые категории населения — пенсионеров и работников бюджетных организаций. При этом административный ресурс работает в прямой зависимости от экономических возможностей и стремления властей обеспечить финансирование на приемлемом для них уровне, т.е. со стороны “партии власти” требуется социальный патернализм.

Наряду с мобилизацией экономически зависимых слоев населения важным для “партии власти” является отраслевой фактор, действие которого основано на интересе к проводимой властями экономической политике и одновременно на благополучии частных компаний и государственных корпораций в условиях современной экономичес-

кой конъюнктуры. Отраслевой фактор обеспечивал “партии власти” поддержку со стороны работников экспортного сектора российской промышленности — топливно-энергетического комплекса, предприятий черной и цветной металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности и т.п. Вместе с тем отраслевой фактор может работать в неблагоприятных секторах экономики, заинтересованных в государственной поддержке. В таких случаях от государства требуется очевидный патронаж над соответствующей отраслью, что обеспечит поддержку “партии власти” со стороны работников военно-промышленного и агропромышленного комплексов.

“Партия власти” может использовать целый ряд возможностей для привлечения разных слоев населения к голосованию. Властные элиты в состоянии, во-первых, минимизировать информационный плюрализм и обеспечить доминирование одной точки зрения в информационном поле. Во-вторых, контролировать органы местного самоуправления, которые, как правило, финансово зависят от государственной власти и оказываются опорной сетевой структурой “партии власти”, непосредственно доводящей управленческий сигнал до населения. В-третьих, обеспечивать тесную связь властей с некоторыми сегментами частного бизнеса, которая может иметь как олигархический характер (сращивание власти и частного бизнеса), так и характер государственного капитализма (частный бизнес зависит от предпочтений властей и рискует стать жертвой его силовой политики). Это делает возможным не только привлечение на свою сторону работников соответствующих предприятий (организационный ресурс компаний), но и успешный фандрайзинг. Последний позволяет обеспечивать финансирование избирательных кампаний “партий власти” на максимально высоком уровне.

Первые “партии власти” появились уже на парламентских выборах 1993 г. Одним из главных участников избирательной кампании стал “Выбор России”, позиционировавшийся как партия новой власти, которая возникла на волне “августовской революции”. “Выбор России” во главе с Е. Гайдаром использовал в своей программе элементы либеральной идеологии. Однако даже в условиях незавершенной “революции ожиданий”, порожденной событиями 1991 г., либеральная “партия власти” не смогла добиться реального успеха. Неудача “Выбора России” и снижение интереса российского президента к радикальным либеральным реформам повлекли за собой эволюцию партийной системы в сторону формирования деидеологизированных “партий власти”.

На парламентских выборах 1995 г. произошло серьезное размежевание властных элит с либеральной идеологией. Первый крупный проект “партии власти” в лице НДР декларировал центристскую политику. В российской электоральной истории это было первое реальное появление нового типа голосования — нелиберальный (квазицентристский) конформизм. Однако уровень консолидации властных элит

вокруг НДР оказался недостаточным, в то время как протестные настроения в России были на том этапе слишком велики³. НДР не сумел выиграть парламентские выборы, но в то же время обозначенный им путь трансформации российской партийной системы не был отвергнут властями.

Парламентские выборы 1999 г. прошли в условиях деконсолидации властных элит. Конформистски настроенные избиратели выбирали между двумя “партиями власти”. Одна из них была создана путем консолидации ряда региональных “партий власти” (“Отечество — Вся Россия”), ее идеология имела своей целью мобилизацию нелиберального конформизма. Тем временем часть федеральной элиты сформировала блок “Единство” (за основу была взята популярная в обществе национально-патриотическая идеология)⁴, который значительно опередил ОВР.

В начале 2000-х годов усиливаются моноцентризм политического режима в России и соответственно консолидация властных элит вокруг одной “партии власти” — “Единой России”. В отличие от прежних участников выборных кампаний “Единая Россия” оформляется именно как политическая партия и на выборах 2003 г. одерживает победу, чему способствовал ряд факторов⁵.

Рассмотрение политико-географических особенностей конформистского голосования следует начать с выборных кампаний 1991 г., проходивших еще до распада СССР. Тогда определились территории, характеризующиеся конформизмом советского типа (его условно можно назвать советским консерватизмом).

Анализируя советский консерватизм российских периферий, следует обратить внимание на две его разновидности, связанные с особенностями территориальной диффузии инноваций. В годы перестройки диффузия политических инноваций (главными из которых были либеральные реформы) и географическое положение региона в условиях огромной российской территории в большой мере определяли политическую ориентацию региона⁶.

³ См.: *Туровский Р.Ф.* Электоральная база “партии власти” в регионах (анализ всероссийских выборов 1995—1996 гг.) // Политические процессы в регионах России. М., 1998.

⁴ Идеологическое размежевание федеральной властной элиты с либерализмом на этом этапе стало почти полным.

⁵ Конформизм к тому времени стал доминирующим электоральным феноменом, потеснив протестные настроения. Эффективность административного ресурса значительно возросла на фоне централизации власти и улучшения экономической ситуации в стране. Важную роль здесь сыграла поддержка “Единой России”, оказанная Президентом РФ В. Путиным.

⁶ Географическое положение территории в системе центров и периферий измеряется не только удаленностью от российской столицы. Оно в большей степени связано с формальными и фактическими статусами территорий в российском пространстве (столицы и инновационные центры, с одной стороны, периферии —

С одной стороны, консерватизм мог быть пассивным и инерционным, связанным с отсутствием инноваций в силу удаленности территории. Такой консерватизм свойственен регионам дальней периферии, где в наибольшей степени сохранилась патриархальная политическая культура. С другой — консерватизм проявлялся как негативная реакция на распространяющуюся инновацию. Его можно было ассоциировать с сознательным отторжением инноваций, активной формой консерватизма и, следовательно, с поляризацией пространства (инновационные центры против политически активных консервативных периферий).

В 1991 г. этнические периферии особенно активно проявляли консервативные настроения. Просоветские настроения стали для них альтернативой национализму, который не нашел широкой поддержки (за исключением некоторых территорий Северного Кавказа). Наибольшую степень конформизма продемонстрировали этнические периферии Южной Сибири — тувинское, бурятское, алтайское население (вариант пассивного консерватизма), Северная Осетия, Татарстан, Башкирия (вариант активного консерватизма). Например, Татарстан и Башкирия рассчитывали на повышение своего статуса до уровня союзных республик в рамках СССР. Вокруг этой идеи шла консолидация этнических сообществ. Северная Осетия, традиционный оплот России на Кавказе, была настроена против национализма соседних республик, усилившегося в ходе перестройки. В других мусульманских республиках более сильным на этом этапе оказался национализм как мощная по тем временам альтернатива советскому конформизму.

Рассматривая русские регионы, можно говорить о преобладании пассивных периферийных форм электорального конформизма, выражающихся в поддержке действующей власти в ситуации, когда политические инновации до удаленных и слабо развитых регионов просто не дошли. Конечно, именно периферийное географическое положение обеспечивало конформистскую ориентацию таких удаленных регионов, как Читинская и Амурская области. В то же время можно выделить регионы с активными формами советского консерватизма. К их числу относится Краснодарский край: здесь идет возрождение казачьего движения, регион активно вовлекается в политическую жизнь перестроечной России. Но при этом он настроен против либеральных реформ, поддерживает синтез дореволюционного и советского

с другой). Исследуя диффузию инноваций, мы оперируем реальными, а не физическими расстояниями, т.е. оцениваем близость территориальных сообществ к инновационным центрам в связи с особенностями социально-экономического развития, социальной структуры населения, политического плюрализма. Диффузия инноваций в России имеет не сплошной (от столицы к окраинам), а каскадный (от столицы к более крупным городам по всей территории страны, от них — к близлежащим менее крупным городам и т.д.) характер. Периферийность, таким образом, есть явление социально-политическое, а не просто географическое.

традиционализма, его символ — так называемое “красное казачество”. Активный консерватизм был на том этапе типичен и для Калининградской области по причинам геополитического характера.

Парламентские выборы 1993 г. проходили на фоне попытки создать “партию власти” нового типа. Для анализа конформистского типа голосования интересен пример умеренно-реформаторской Партии российского единства и согласия (ПРЕС), ориентированной на интересы региональных элит и их мобилизационные возможности. География голосования за ПРЕС отчасти повторила географию советского консерватизма образца 1991 г. Максимальный показатель ПРЕС был получен в Туве (48,4%), на Северном Кавказе эта партия получила поддержку в Кабардино-Балкарии.

Особое значение для анализа конформистского типа голосования имеет избирательный цикл 1995—1996 гг. Во-первых, парламентские выборы 1995 г. ознаменовались формированием вертикально интегрированной клиентелы с федеральным патроном в лице премьер-министра В. Черномырдина и объединением части региональных “партий власти” вокруг этой фигуры и НДР. Во-вторых, особую важность для российских властей приобрела проблема консолидации элит в условиях угрозы потери власти во время вторых президентских выборов в России. НДР в значительной мере был клиентелой Черномырдина, что предопределило ограниченность его возможностей. На президентских выборах ставилась более масштабная задача — победа президента Б. Ельцина, который требовал максимальной консолидации региональных “партий власти”.

Выборы 1995—1996 гг. ознаменовали начало нового этапа в российской электоральной истории, когда конформизм стали проявлять этнические периферии под влиянием региональных “партий власти”, интегрированных в состав федеральной “партии власти”. При этом наибольшие показатели были характерны для окраинных сельских районов. Среди титульного населения республик (региональные “партии власти” обычно возглавляют представители национальной бюрократии) был выявлен феномен управляемого голосования⁷. Наибольший конформизм проявили народы, принадлежащие к мусульманской и буддистской культурам, поскольку в основном именно они сохранили черты патриархального, традиционного общества.

Что касается “русских” субъектов Федерации, то здесь новым фактором электорального конформизма становятся патронатно-клиентельные отношения между федеральным руководством “партии власти” и некоторыми региональными “партиями власти”.

В целом русские периферии, так же как и этнические периферии в регионах с менее стабильными режимами, на этом этапе предпочитают оппозицию, оставаясь в положении консервативных регионов,

⁷ См.: Тихунов В., Орешкин Д. “Управляемая демократия”: российский вариант // Со-общение. 2000. № 11—12.

отторгающих различного рода инновации. Значительную поддержку “партия власти” получает со стороны инновационных центров и индустриальных регионов, выигравших от проводимых реформ. По итогам выборного цикла 1995—1996 гг. можно говорить об индустриальном конформизме, связанном с экономическим благополучием некоторых промышленных центров, с действием отраслевого фактора. На выборах 1995 г. этот фактор сочетался с организационными ресурсами “Газпрома”. В 1996 г. индустриальный конформизм развивался еще активнее, поскольку НДР лучше мобилизовал центры топливно-энергетического комплекса, а Б. Ельцину удалось усилить ориентацию на “партию власти” в центрах металлургии.

Таким образом, в географии электорального конформизма в 1995—1996 гг. прослеживаются следующие тенденции. С одной стороны, политически более пассивные патриархальные общества в национальных регионах под влиянием региональных “партий власти” начинают переориентироваться на поддержку федеральных властей и их партийно-политических проектов. С другой — сохраняется поддержка “партии власти” со стороны реформаторски настроенных инновационных центров. Кроме того, усиливается роль такого фактора, как экономический интерес, что влечет за собой развитие индустриального конформизма, свойственного для более развитой части периферии.

Анализ избирательного цикла 1999—2000 гг. с точки зрения географии конформизма вызывает некоторые методологические затруднения. Дело в том, что на парламентских выборах в образе “партии власти” выступал блок ОВР, представлявший собой коалицию региональных элит, но не имевший при этом федеральной поддержки. Получив последнюю, блок “Единство” опирался не столько на региональные “партии власти”, сколько на массивную федеральную информационную кампанию. Кроме того, идеологическая база “Единства” имела национально-патриотический характер, который ранее был свойственен оппозиции. Более ясной расстановка сил стала на президентских выборах 2000 г., когда конформистскую тенденцию выразил В. Путин, уверенно выигравший выборы в первом туре и в значительной степени объединивший электораты двух “партий власти” образца 1999 г.

Избирательный цикл 1999—2000 гг. вновь показал, что конформистское голосование является наиболее типичным для сельских районов национальных республик, т.е. для дальней этнической периферии России. Одновременно проявился и усилился, по сравнению с выборами 1995—1996 гг., заполярный конформизм (явление, частично пересекающееся с этническим конформизмом).

Важнейшей особенностью избирательного цикла 1999—2000 гг. стало распространение конформизма на периферийные территории с русским населением. Это видно по результатам президентских выборов 2000 г. в некоторых районах Саратовской и Ростовской областей. Оказывается, что в консервативных южных регионах конформистская

модель электорального поведения тоже может развиваться на сельских перифериях по аналогии с национальными республиками.

Общей тенденцией 1999—2000 гг. являлась периферализация (сдвиг от центров к перифериям) электоральной поддержки “партии власти”. Произошла взаимная адаптация “партии власти” и периферии: с одной стороны, “партия власти” ушла от идеологии либеральных реформ, экспериментировала с национал-патриотизмом и социальным патернализмом; с другой — периферия начала считать такую “партию власти” более приемлемой и, кроме того, осознала свою экономическую зависимость от ее политики. Наибольшую поддержку “Единству” оказали сельские районы на севере и северо-западе европейской части России. На президентских выборах география голосования за Путина подтвердила тенденцию к периферализации электоральной поддержки “партии власти”. Об этом свидетельствует тот факт, что при общем успехе на северо-западе в родном Петербурге Путин получил меньший процент голосов, чем в Ленинградской области.

Наряду со сдвигом электоральной поддержки в сторону периферии наблюдалась относительно слабая поддержка нового политического режима в инновационных центрах. Однако поддержка “партии власти” в 1999—2000 гг. в столицах осталась значительной⁸. По-прежнему была высокой поддержка “партии власти” на промышленном Урале и Тюменском Севере, обусловленная как феноменом индустриального конформизма, так и новой тенденцией к периферализации “партии власти”⁹. В Свердловской и Пермской областях Путин также набрал более 60%. Но если при Ельцине здесь лидировали Екатеринбург и Пермь, то при Путине — совершенно другие территории.

Трансформация политического режима после победы Путина в 2000 г. привела к дальнейшей эволюции партийной системы и электоральных мотиваций. Об этом ярко свидетельствуют особенности географии голосований за “Единую Россию” в 2003 г. и Путина в 2004 г. При дальнейшем общем усилении электорального конформизма свое развитие получили определенные ранее географические тенденции.

Географические особенности конформистского голосования характеризуются эффективностью сетевого воздействия на электорат и патерналистской политики в различных субъектах Федерации. Этнические периферии, которые ближе к параметрам традиционного общества по сравнению с русскими регионами, находятся под гораздо более высоким влиянием “нового патернализма”. Для традиционных

⁸ Так, Москва в 1999 г. активно поддержала ОВР (40,9%), одним из лидеров которого был глава городской “партии власти” Ю. Лужков.

⁹ Ханты-Мансийский АО отдал Путину более 60% голосов, Ямало-Ненецкий АО — почти столько же. Но интересно, что внутри этих округов на первых позициях прочно утвердились периферийные районы, тогда как “просесть” стали не только нефтегазодобывающие, но и административные центры.

обществ при принятии электоральных решений важна позиция авторитетных, референтных фигур (высокопоставленные чиновники, главы местного самоуправления, в ряде случаев — старейшины и имамы). В то же время более авторитарные характеристики местных политических режимов, их выраженный моноцентризм, влекущий за собой зависимость социальных и управленческих сетей от единого центра принятия политических решений, обычно совпадающего с органом региональной исполнительной власти, предполагают большую эффективность сетевого ресурса.

Число этнических периферий со сверхвысокими показателями поддержки “партии власти” к 2003—2004 гг. на фоне укрепления в большинстве республик региональных режимов заметно увеличилось. Впервые среди электоральных опор “партии власти” оказались чувашские сельские районы, ранее демонстрировавшие левую оппозиционность.

В целом итоги избирательного цикла 2003—2004 гг. продемонстрировали ярко выраженное конформистское голосование в республиках с мусульманским культурным субстратом. Среди лидеров голосования за “Единую Россию” и Путина — все республики Северного Кавказа, Татарстан, Башкирия. Сверхвысокими показателями также отличались тувинские и калмыцкие села с буддистской культурой и заметной патриархальностью. Реже такие показатели были в сельских районах, где титульное население исповедует православную религию (мордва, чуваш, удмурты). Конфессиональный фактор важен, хотя его не следует абсолютизировать в связи с влиянием конкретного регионального контекста (так же как и то, что титульное население в республиках более активно поддерживает “партию власти”, чем русское). По итогам последних выборов консолидированное голосование за “партию власти” наиболее характерно для татарских, башкирских, мордовских, кабардинских, балкарских, ингушских, даргинских территорий. Несколько ниже эти показатели у осетинских, карачаевских, черкесских, адыгейских, калмыцких районов. Как правило, слабее поддержка “партии власти” среди чувашей, марийцев, удмуртов, бурят, якутов, карел и коми.

Нельзя говорить о полной переориентации этнической периферии на “партию власти”. В тех республиках, где силен административный ресурс региональной власти, разброса результатов голосования, как правило, не бывает. Там, где влияние республиканских властей ограничено, ситуацию начинают определять местные факторы (анализ ситуации, например, в Дагестане показывает, что расслоение этнической периферии на проправительственную и прокоммунистическую остается актуальным¹⁰), что ведет к смещению центров принятия

¹⁰ Разброс показателей голосования за “Единую Россию” в 2003 г. оказался здесь огромным: от 86% в городе Избербаш до 8,1% в Унцукульском районе.

электоральных решений в локальные сообщества, где все определяет влияние местных авторитетных фигур.

В избирательном цикле 2003—2004 г. среди русских периферий наибольшую поддержку “партии власти” оказали сельские территории. Для русского городского населения конформистский тип голосования характерен в наименьшей степени.

Степень конформизма при голосовании в русских регионах определяется позиционированием региональных руководителей в партийно-политическом спектре (единый управленческий центр в регионе не везде делает ставку только на федеральную “партию власти”) и эффективностью административного ресурса конкретных региональных лидеров.

На выборах 2003 г. и на президентских выборах 2004 г. было отмечено формирование ярко выраженных проправительственных периферий в Орловской, Пензенской, Саратовской и Ростовской областях; сельские районы этих регионов получили поддержку со стороны действующей власти. Очевидно, что подобная переориентация сельских периферий обусловлена высоким административным влиянием конкретных губернаторов.

Таким образом, русская сельская периферия в некоторых регионах прошла за 10—15 лет полный цикл смены своей электоральной ориентации. Если в начале 90-х годов она отличалась советским консерватизмом, перешедшим в активную поддержку левой оппозиции, то трансформация политического режима при Путине привела на периферии к поддержке “партии власти”, т.е. периферии вновь стали демонстрировать свою политическую лояльность теперь уже новому режиму. При Ельцине этот процесс затронул этнические периферии, выбор которых предопределяли лидеры региональных “партий власти”, договорившиеся с Центром. При Путине на фоне общего роста конформизма аналогичные процессы начались на русских перифериях, где поддержку “партии власти” оказывали регионы с наиболее эффективным административным ресурсом региональных лидеров.

Однако дело не только в региональных “партиях власти”, но и в общем процессе периферализации конформизма в условиях формирования единого, управляемого из Центра информационного пространства России. Например, в Читинской области, которая была одним из оплотов советского консерватизма, региональный режим совсем не авторитарен. Однако здесь Путин получил в 2004 г. свыше 70% голосов, как в Ростовской и Саратовской областях. Портовые и курортные города — Сочи, Новороссийск, Таганрог — и ранее отличались высокой лояльностью к “партии власти”, однако конформизм растет и начинает превышать среднероссийские показатели в сельских районах на Дону и Кубани.

Что касается столичных центров, которые при Ельцине поддерживали “партию власти” в связи с ее реформаторской политикой, то теперь ее влияние здесь заметно ниже. Такова оборотная сторона периферализации. “Единая Россия” не блистала на федеральных вы-

борах ни в Москве, ни в Петербурге (причем Петербург опять обошла Ленинградская область). Поддержка Путина в регионах промышленного Урала и Тюменского Севера остается на очень высоком уровне, но здесь она имеет тенденцию к внутривнутрирегиональной периферализации. Есть примеры, связанные с отраслевым фактором и индустриальным конформизмом. Например, в Челябинской области наряду с сельскими районами выделяется Магнитогорск — один из крупнейших в России центров черной металлургии. Здесь за Путина было отдано более 80% голосов.

Таким образом, главной опорой “партии власти” в 2000-е гг. стали зависимые и потому легче управляемые полупериферии и периферии, которые удалось привлечь на свою сторону в процессе улучшения социально-экономической ситуации в стране и увеличения субсидирования окраин. Интересно, что электоральный конформизм занял нишу между наиболее развитыми центрами, с одной стороны, и наиболее упорными в поддержке советского консерватизма и левых ценностей перифериями — с другой.

Пониженным конформизмом по отношению к федеральной “партии власти” отличаются инновационные центры, которые ощущают потребность в новых политических инновациях и где наряду с сохраняющимся, но уже небольшим влиянием либеральной идеологии появляется интерес к левым и националистическим идеям. Данная тенденция распространяется не только на столицы, но и на множество региональных административных центров. По-прежнему снижена поддержка “партии власти” и на сельских перифериях Юга — там, где не прошла трансформация электорального поведения под воздействием региональных “партий власти”.

Последние годы более патриархальные региональные сообщества постепенно переходили от поддержки левых к поддержке “партии власти”. Иными словами, левый консерватизм, возникший в противовес либеральному реформаторству инновационных центров, сменялся новым патернализмом, связанным с трансформацией политического режима в условиях консолидации элит и благоприятной социально-экономической ситуации. Но этот процесс не завершен и обязательно будет завершен в дальнейшем.

Такая “центристская” в идеологическом и географическом отношении ниша удобна для “партии власти”, но является продуктом политической конъюнктуры. Ее объем может сильно меняться в зависимости от характера отношений между федеральными властями и перифериями, которые поддерживают Центр в обмен на субсидии и патернализм. Но уровень конформизма и его география сегодня зависят от макроэкономических тенденций и от отношений между Центром и конкретными региональными “партиями власти”. Кроме того, уменьшение существующей конформистской ниши может быть вызвано и усилением либеральной линии в идеологии “партии власти” в ущерб левым и национально-патриотическим элементам, что приведет к некоторой депериферализации конформизма.